

— Шэнь-лаоши, научите меня английскому, пожалуйста. Как сказать «Курение вредит здоровью» на английском? — Шэнь Чуань изменил свой глубокий голос на явно поддельный детский, его узкие глаза округлились, и он время от времени моргал, а чувственные губы превратились в маленькие пухлые губки. Его худошавое лицо словно преобразилось, став полным и упругим, будто после пластической операции.

— Я больше не курю, Шэнь-лаоши, — Сунь Фэй почувствовал, как у него в животе всё переворачивается, словно что-то пытается вырваться из пищевода.

Хотя Шэнь Чуань выглядел как настоящий красавец, его недавняя наигранная мимика, высокий рост и редкая щетина вызывали у Сунь Фэя отвращение. Мысли о запахе сигарет он отогнал, да и вообще не хотел чувствовать никаких запахов. Чтобы отвлечься, он сменил тему:

— Шэнь-лаоши, почему вы не пришли на школьную церемонию утром?

На самом деле он хотел спросить: «Как вы, будучи классным руководителем 17-го класса, могли даже не показаться?»

— Ни один ученик из 17-го класса не пришёл. Если бы я, как классный руководитель, стоял там как дерево, это было бы слишком неловко, — Шэнь Чуань уже вернулся к своему обычному поведению, но для Сунь Фэя даже такой Шэнь Чуань казался странным.

Сунь Фэй слегка разозлился, но старался не показывать этого явно:

— Но вы...

— Не меняй тему, — перебил его Шэнь Чуань. — Как сказать «Курение вредит здоровью» на английском?

— Smoking is bad for your health.

— Повтори.

— Smoking is bad for your health.

— Ещё раз.

— Smoking is bad for your health, — повысил голос Сунь Фэй, выражая своё недовольство.

— Отлично, важные вещи нужно повторить трижды, надеюсь, ты больше не забудешь, — Шэнь Чуань снова сломал сигарету в руке и выбросил её в ближайшую урну. Сунь Фэй не посмел встретиться с ним взглядом, отвёл глаза.

— Сунь-лаоши, будь то на китайском или английском, твой голос звучит слишком механически. Тебе нужно вложить в него больше чувств.

Сунь Фэй хотел что-то сказать, но голос Шэнь Чуаня донёлся издалека:

— Добро пожаловать в качестве учителя английского в 12-17 класс.

Ван Жохань шёл по набережной один, с рюкзаком за спиной. Набережная была выложена ровной бетонной дорожкой, изредка проезжали машины, но чаще всего не было видно даже тени человека.

Паводок отступил туда, где его уже не было видно. Ещё во время летних каникул он мог видеть, как вода затапливала траву у берега, но за два месяца вода тихо отступила, и места, которые были затоплены, теперь выглядели ещё более зелёными. Природа оказалась настолько живучей, а как же тогда жизнь человека?

Его мысли уносились к шелестящим листьям на склоне, к чистому небу, к бездомным облакам. Когда мысли вернулись, перед ним стояли шесть мужчин.

Их стиль одежды был ярким и вызывающим. Они были разного роста, но все выше Ван Жохана, среди них были и толстые, и худые. Выражения их лиц различались, но все они смотрели на Ван Жохана взглядом волка, готового наброситься на ягнёнка.

— Ван Жохань, у меня в последнее время нет денег, ты ведь поддержишь меня? В конце концов, мы же одноклассники, — первым заговорил парень с полуседыми волосами, а остальные пятеро почтительно ждали.

Очевидно, он был их лидером.

— У меня нет денег, — Ван Жохань испугался, слёзы уже навернулись на глаза. Его лицо покраснело от солнца.

Трое из них выхватили у него рюкзак, но, увидев, что он слишком маленький, расстегнули молнию, и он стал ещё меньше.

Они высыпали всё содержимое рюкзака на землю.

Внутри были только книги и ручки.

Они нахмурились. Единственное, что привлекло их внимание, был белый пирог, завёрнутый в прозрачный пакет, и бутылка колы с оторванной этикеткой.

Лидер начал есть пирог, разбрасывая крошки:

— Ван Жохань, моё терпение на исходе, быстрее доставай что-нибудь ценное.

Он подавился и начал хлопать себя по шее. Младшие братки, увидев это, схватили бутылку колы, открыли её и осторожно поднесли к его губам.

— Не пей! — Ван Жохань попытался вырвать бутылку из рук лидера, но двое других крепко держали его.

— Чёрт, что это за хрень? — Лидер выплюнул в лицо двум ближайшим браткам, а бутылку с оставшейся колой бросил себе под ноги.

— Ван Жохань, что ты мне дал? Это яд? — Лидер схватил его за новую школьную форму, на левом кармане которой золотыми нитками было вышито «Старшая школа Наньмо».

— Это просто обычный чай, пожалуйста, отпустите меня, у меня действительно нет денег, — он отвёл взгляд от опрокинутой бутылки, слёзы текли по его лицу.

Лидер видел множество просьб о пощаде и понимал, что слёзы — это самое раздражающее и в то же время самое бесполезное. Он оставался равнодушным, и, даже когда толкнул Ван Жохана на землю, его лицо выражало удовольствие, как будто он поймал добычу.

— Бейте его до смерти, — лидер устал, он хотел, чтобы его братки показали себя, ведь они давно не охотились, и их тела стали слишком ленивыми.

Ван Жохань продолжал плакать, он понимал, что слёзы действительно бесполезны. Когда тебе плохо, они только делают тебя ещё более жалким и беспомощным. Однако у него не было другого способа встретить свою судьбу.

Пять братков бросились на Ван Жохана, но внезапно подул сильный ветер, и, не успев понять, что произошло, они уже лежали на земле, крича от боли.

— Чжан Юнцян! — Лидер чуть не подпрыгнул.

Чжан Юнцян был одет в такую же школьную форму, как и Ван Жохань, но он не застёгивал её, а чёрный галстук был закинут за спину. Ветер развевал его белую рубашку, открывая красивый рельеф мышц. Ещё более заметными были его ярко-красные шлёпанцы.

— Вы не знаете, что мужские слёзы — это драгоценность? Забирать такую драгоценность — это преступление, — шлёпанцы Чжан Юнцяна скользили по земле, поднимая пыль, которая попала в глаза одному из братков. — Вы забрали так много, пора вернуть.

Едва он закончил говорить, как, словно ураган, оказался перед лидером, и его удар, быстрый и точный, пришёлся по лицу и ноге лидера. Тот закричал от боли, катаясь по земле, то хватаясь за лицо, то за распухшую ногу, словно двух рук ему не хватало.

Ван Жохань встал, его лицо всё ещё было красным. Он поднял бутылку с оставшейся колёй, закрыл её и положил в грязный рюкзак.

— Чжан Юнцян, ты пожалеешь об этом. Однажды я заставлю тебя умолять о пощаде, — лидер, несмотря на боль, всё же произнёс угрозу, ведь это был опыт, который он копил годами.

Чжан Юнцян медленно подошёл, его шлёпанцы теперь скользили не по бетону, а по левой руке лидера:

— Что ты сказал?

Рук лидеру действительно не хватало, он правой рукой попытался схватить ногу Чжан Юнцяна, которая давила на его левую руку, но не смог ухватиться за штанину, а другая нога Чжан Юнцяна уже давила на его правую руку.

— Я виноват, брат Цян, простите меня, отпустите! — Лидеру было настолько больно, что он решил сделать то, что считал бесполезным, но теперь он верил, что это поможет — заплакать.

— А что я получу, если отпущу тебя?

Слёзы быстро залили лицо лидера, капли падали на землю, образуя тонкий серый слой на бетоне. По мере того как температура поднималась, серый слой постепенно сливался с бетоном, и лидер снова заплакал:

— Брат Цян, разве вы не говорили, что мужские слёзы — это драгоценность? Забирать такую драгоценность — это преступление, а вы продолжаете давить на меня, и я плачу от боли.

Лидер начал хныкать. Звук был громким, но слёз стало меньше, он решил, что больше не стоит притворяться, и скоро всё закончится.

Чжан Юнцян присел, глядя прямо в глаза лидера:

— Твои слёзы действительно драгоценны, поэтому я хочу забрать ещё больше.

Не обращая внимания на шок на лице лидера, Чжан Юнцян снова надавил, и слёзы лидера хлынули с новой силой, а крики стали ещё громче:

— Вы, пятеро, быстрее валите Чжан Юнцяна!